
Е. Л. СКВОРЦОВА, КАОРУ САКУРАИ

КОСМОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

О новой японской книге

к юбилею Русской революции *

В 2017 году в Японии издан сборник статей японских, китайских, американских и российских авторов, посвященный 100-летию революции в России. Книга интересна также тем, что уроки революции исследуются в контексте мировой и Большой истории (Мегаистории).

Ключевые слова: Вселенная, Великая Октябрьская революция, новая (глобальная или космическая) идентичность, Большая история (Мегаистория), цивилизация, кризис, техно-гуманитарный баланс, антропосфера, катастрофофилия, сценарии, мутуализм (кооперация).

Институт глобального и космического мира (*Institute for Global and Cosmic Peace*) в Йокогаме ** издал сборник научных статей, посвященный 100-летию Октябрьской революции. Авторы книги – российские, американские, китайские и японские ученые – исследуют роль первой социалистической революции в общечеловеческой и Универсальной истории (она также называется Большой историей, или Мегаисторией), представляющей интегральную модель развития космической Вселенной, Земли, жизни и общества как единого преемственного процесса. Необычайная вежливость издателей выразилась в том, что каждая переводная статья предваряется текстами на языке оригинала (русском, английском и китайском).

Лейтмотив книги: история Земли вошла в критическую фазу, и императив выживания планетарной цивилизации состоит в том, чтобы люди научились ощущать себя не представителями отдельных этносов или государств, но в первую очередь членами «гло-

* Утюгаку то гэндай сэкай. Тикюдзин уютдзин-ни (Космология и современный мир. Становясь глобальным и космическим человечеством) / Отв. ред. проф. Наканиси Осаму. Издание Института глобального и космического мира (Йокогама: Нихон пуросэсу кабусики кайся), 2017.

** Институт был основан в 1986 году в Токио как частный институт и в 2001 году переорганизован как некоммерческая организация в Йокогаме. Одно из первых в мире научных учреждений, систематически работающих по программе Универсальной истории.

бального или космического» сообщества. Во введении к монографии ответственный редактор профессор Наканиси Осаму перечисляет универсальные отрасли знания, на которые опираются его единомышленники. Эти отрасли составляют чрезвычайно обширный список, они включают физику, химию, математику, астрономию, геологию, антропологию, археологию, медицину, а также гуманитарные науки: социальную историю, социологию, психологию и т. д. Эффективно освоить такой гигантский корпус знаний можно, по мнению Наканиси, лишь при условии теснейшего международного сотрудничества, радикального изменения традиционного сознания людей, выработки эффективной способности к эффективным компромиссам. Без этого острый кризис, уже сейчас охвативший современный мир, будет лишь неуклонно углубляться...

Сборник начинается двумя острополемическими статьями А. П. Назаретяна. В первой отечественный исследователь, опираясь на данные независимых экспертиз австралийских, американских и российских ученых, предупреждает о приближении фазового перехода в планетарной истории и показывает, что сценарии дальнейшего развития событий решающим образом определяются динамикой общественного сознания в ближайшие десятилетия: «Судьба земной (и, вероятно, любой иной планетарной) цивилизации может решающим образом зависеть от того, успеет ли носитель разума усовершенствовать качество внутренней регуляции, соответствующее потенциально беспредельному развитию технологической мощи. Что, в частности, предполагает преодоление межгрупповых размежеваний, а также религиозных и квазирелигиозных идеологий, всегда разделяющих людей на “своих” и “чужих”» (с. 10). При этом Назаретян руководствуется моделью техно-гуманитарного баланса, согласно которой чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества. Данные истории и археологии, подчеркивает автор, свидетельствуют о том, что увеличение технологического могущества всегда требовало совершенствования культурных регуляторов: общества, не сумевшие адаптировать ценности и нормы деятельности к возросшим инструментальным возможностям, последовательно «выбраковывались» из исторического процесса.

По мнению Назаретяна, в настоящее время антропосфера приближается к пределу возможной сложности, за которым может начаться «нисходящая ветвь» эволюции: «Антропосфера выродит-

ся в дикую биосферу с дальнейшей деградацией к сфере термодинамического равновесия» (с. 26). В последнее время ученое сообщество склоняется к признанию сознания космологически фундаментальным фактором. Последующая эволюция Метагалактики зависит от развития человеческого знания, и в перспективе это может привести к образованию «живого космоса». Но пока *Homo sapiens*, вопреки самоназванию, «обладает потенциально большей властью над масс-энергетическими процессами, чем над собственными мотивациями» (с. 30). Успеем ли мы усовершенствовать качество самоконтроля, чтобы соответствовать растущему технологическому могуществу?

Особое место в статье уделено проблеме качества национальных политических элит. В последнее время, полагает автор, они демонстрируют явное снижение уровня прогностических способностей и недостаточную просчитанность своих решений, вследствие чего «глобальная геополитическая система теряет устойчивость. Международное право остается ностальгическим воспоминанием» (с. 31). В этих условиях ученый задается вопросом: возможна ли неконфронтационная солидарность современных людей, направленная на сохранение нашей планеты и разумной жизни на ней? Это во многом сопряжено с готовностью людей к освоению новых консолидирующих мировоззрений и стратегических смыслов, не ориентированных на образ врага. Новая междисциплинарная наука, в отличие от классического естествознания, содержит предпосылки для конструирования таких смыслов, но вопрос в том, успеет ли человечество их освоить.

В том же контексте А. П. Назаретян во второй статье обсуждает историю Октябрьской революции, причины ее успехов и поражений. Поскольку русская версия этой статьи опубликована в ИПСИ (2016, т. 9, № 2), читатель при желании может с ней ознакомиться.

Статья профессора политологии Виргинского университета (США) Лоуэлла Густафсона «Идентичность и Большая геополитика» продолжает тему обозримого будущего цивилизации. В ней идет речь о необходимости принятия новой идентичности для спасения Земли. Эта широкая глобальная идентичность должна прийти на смену традиционной географической этноконфессиональной политической идентичности. По мнению Густафсона, ситуация, сложившаяся в современной геополитике и отражающая отношения между государствами, которые борются за доступ к стратегическим ресурсам, настоятельно нуждается в реформировании.

С 1648 по 1989 год в мире постоянно велись войны, в которых географические соседи, как правило, претендовали на территории граничащего с ними государства и превентивно нападали, дабы избежать вероятной агрессии с его стороны. Эпоха подобных отношений должна закончиться тесным сотрудничеством граждан всего мира, необходимым для защиты Земли, полагает ученый. При такой интерпретации наша планета как бы помещается в космический контекст. Густафсон предупреждает о губительной опасности наступившей эры и выдвигает тезис “глобального гражданства”, ориентирующегося на глобальную идентичность.

Традиционные культуры, обращает внимание ученый, часто выводят свое происхождение из почвы. В мифах именно почва сакрализуется в виде матери-кормилицы, находящейся под защитой своего народа – любящих сыновей и дочерей. Почва ассоциируется с родными предками, способствуя, таким образом, эмоциональному единству и национальной идентичности каждого народа. Согласно Густафсону, человека характеризует высокая степень групповой солидарности, что делает борьбу за ресурсы против чужаков весьма ожесточенной. Почва, родное гнездо – это мощный источник политической идентичности, особенно когда она соотнесена с семьей, защищающей членов своего сообщества. Опасность женских родов, долгий период созревания человеческой личности, во время которого формируются сложный мозг и социальное восприятие мира, способствуют укреплению групповых отношений, установлению общих ценностей и ритуалов. «История, – пишет автор статьи, – не началась ни с принятия Декларации независимости США 1776 года, ни с утверждения Европейской системы международного права в 1648 году, ни с Золотого века Афин в V веке до н. э., ни даже с Шумерской цивилизации 2700 года до н. э.» (с. 154). Даже появление *Homo sapiens* примерно 200 тыс. лет назад лишь условно можно считать началом истории.

Между тем массовая миграция последних лет вносит существенные коррективы в отношения между почвой и политикой. «Родным гнездом», по мнению Густафсона, теперь следовало бы считать всю планету. Мечты о выходе человечества в дальний космос пока остаются мечтами, поэтому в первую очередь следует сосредоточиться на обустройстве Земли – нашего общего дома. Под обустройством следует понимать выживание всего человечества, подразумевающее физическую и экологическую безопасность. Далее Густафсон обращается к упоминавшемуся выше понятию Ме-

гаистории, или Большой истории. Это понятие нацеливает переформатирование идентичности, связанной с планетой Земля, на универсальную идентичность, подразумевающую в качестве начала Большой истории некую точку сингулярности, точку сгущения без пространства и массы, из которой, собственно, и возникли энергия, вещество, пространство, время, Вселенная, а затем и наша Галактика. Наша праматерь – Земля – сформировалась 4,5672 млрд. лет назад, отсюда и надо вести отсчет глобальной истории человечества, заключает американский ученый.

Земля – наш общий дом, она жива вместе со всеми населяющими ее видами жизни. Увидим ли мы, наконец, перемены в жизни человечества после столетий безраздельного господства национальной геополитики? Успеет ли изменить наш поведенческий курс до того, как скатимся к убийственной самоликвидации? Станет ли количество людей с психологией глобального родства всех и кровно заинтересованных в глобальной безопасности достаточным, чтобы эффективно повлиять на действующих политиков современности? «Необходимость перемен очевидна, результат – нет» (с. 163), – такими словами завершает автор свою статью.

Следующая работа принадлежит перу американского ученого Барри Родригу из штата Вермонт и продолжает тему предотвращения глобальной катастрофы. Одним из средств спасения он считает так называемый мутуализм (*mutualization*) – понятие, описывающее отношения кооперации между различными группами живых существ. Авторство этого понятия принадлежит идеологу анархокоммунизма географу П. А. Кропоткину (1842–1921), французскому историку и географу Э. Реклю (1830–1905) и британскому натуралисту, биологу и антропологу А. Уоллесу (1823–1913). Профессор Родриг предлагает брать за основу их взгляды на кооперацию человека и Природы, поскольку эти ученые указывали на важность роли кооперации в эволюции видов. Введение понятия «кооперация» дополняло и усложняло учение Ч. Дарвина, подчеркивая то обстоятельство, что выживали не просто сильнейшие, но те, кто был наиболее склонен к кооперации. «Мутуализм (взаимопомощь) стал важной альтернативой той точке зрения на эволюцию, которая подразумевает революцию» (с. 196), – пишет Родриг и предлагает считать применение взаимопомощи эффективным решением проблемы катастрофичности будущего.

Касаясь проблемы грядущего апокалипсиса, Родриг напоминает читателю о зерне истины, которое содержится в множестве ми-

фов и художественных описаний конца света. Оно заключается в том, что человеческая жизнь слишком хрупка и ненадежна. Даже реальная история демонстрирует нам примеры многочисленных катастроф, как естественных, так и спровоцированных человеческой деятельностью. Вспомним недавнее землетрясение и цунами в районе Тохоку в 2011 году или чуму в Европе XIV века, когда вымерла половина тогдашнего населения. А колонизация Америки, унесшая жизни 80 % местных жителей! Впрочем, были в прошлом Земли и более страшные глобальные катаклизмы: к примеру, 250 млн. лет назад на планете вымерло до 96 % всех живых существ. Или чудовищные последствия извержения супервулкана Тоба в Индонезии 75 тыс. лет назад. Такие катастрофы, предостерегает ученый, не исключены и в будущем. И если полностью укрощать силы природы человек пока не в состоянии, мы можем избежать пагубности войн, загрязнения окружающей среды и, скажем, глобального потепления. Для установления планетарной гармонии необходима всеобщая кооперация: создание всеобъемлющей базы данных, собранных представителями всех отраслей знания со всего земного шара. Но кооперация блокируется конкуренцией. Развитие мира, основанное на конкуренции, явно зашло в тупик – это вызов всему человечеству. Господство конкуренции в иерархических обществах, начавших формироваться еще с эпохи неолита, породило социальное неравенство. Реакцией на него стали эгалитарные идеи, сформулированные мировыми религиями и коммунистической идеологией (в последних абзацах чувствуется реверанс американского профессора в сторону стержневой темы сборника – революции).

Б. Родриг делает экскурс в историю, напоминая, что от начала миграции *Homo sapiens* из Африки прошло 75 тыс. лет, или 4 тыс. поколений. От постройки египетских пирамид нас отделяют жизни всего лишь ста поколений. Цифра достаточно скромная, но как велик проделанный путь! За это время разные народы успели выработать свои узкие, предназначенные только для своего социума традиционные идентичности. Причем многие из подобных традиций вредны для человечества в целом. Родриг называет эти идентичности «гнездовыми», локальными, базирующимися на синтезе почвы и крови. Он призывает выйти «за пределы зоны комфорта родового обычая и стать глобальными мыслителями» (с. 202), поскольку локальные идентичности мешают решению планетарных вопросов. Конкуренция между локальными идентичностями, равно

как и конкуренция между членами каждого общества, а также социал-дарвинизм, подразумевающий позицию «пусть тебе будет хуже, а мне лучше», провальны в глобальной перспективе. Примером могут служить негативные последствия массовой миграции из Африки в Европу и борьба с беженцами из Мексики в США. Сюда же можно добавить проблемы, связанные с религиозной идентичностью, нередко становящейся причиной кровопролитных военных конфликтов.

На смену современному глобализму бизнеса, базирующегося на международном разделении труда и интернациональном финансовом капитале, на смену глобализму всеобщей конкуренции, полагает ученый, должен прийти неоглобализм, основанный на кооперации и взаимопомощи людей, поддерживающих все живое на планете, включая саму планету и космос за ее пределами. Это должна быть планетарная сеть социального, гуманистического и экологического свойства. «Наша цель – стать гражданами Млечного Пути», – завершает свой панегирик неоглобализму и мутуализму Родриг (с. 212).

«Поиск путей к социализму в СССР и Китае с позиции истории всеобщего мирового развития» – так называется следующая статья сборника. Ее китайские авторы, социолог Фу Дэкун и историк Мо Луньхай, особо оговорили посвящение своей работы 100-летию Октябрьской революции и 68-летию основания нового Китая. Прежде всего ученые обращают внимание на двоякую природу глобальной эволюции, идущей по двум, так сказать, осям: вертикальной и горизонтальной. Вертикальная ось отражает формационное развитие последовательно меняющихся фаз всеобщей истории: первобытно-общинного строя, рабовладения, феодализма, капитализма и, наконец, коммунистического этапа, включающего социализм. Горизонтальная же ось символизирует жизнедеятельность изначально географически изолированных регионов, которые, постепенно открываясь окружающим и вовлекаясь в систему тесного международного взаимодействия, становятся в итоге полноправными участниками Всемирной истории. Вертикальная ось неустойчива и подвержена колебаниям, примером чему может служить феномен Советского Союза.

«Социализм стал самой молодой формацией в истории человечества. Но нельзя сказать, что эта передовая формация летит вперед под всеми парусами, она склонна и к попятному движению» (с. 277), – пишут ученые. По их мнению, причиной отката в первую

очередь стало внешнее влияние капиталистического окружения. Далее в статье дается краткий обзор истории социалистических учений. Вначале приводятся имена великих социалистов-утопистов, отчетливо предвидевших конец капитализма, но не совсем четко представлявших сущность новой формации, приходящей ему на смену: Томаса Мора (1478–1535), Томаса Мюнцера (1489–1525), Этьена Морелли (1717–1778), Гракха Бабёфа (1760–1797), Анри Сен-Симона (1760–1825), Шарля Фурье (1772–1837) и Роберта Оуэна (1771–1858). Последний потерпел фиаско, пытаясь организовать в 1825 году в Америке производительную общину на принципах уравнилельного коммунизма. Работы Оуэна вдохновили экономическую мысль второй половины XIX века и послужили источником коммунистической идеологии. Учение Оуэна было переосмыслено Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Опираясь на аналитику диалектического и исторического материализма, они сделали вывод: «Общественный характер производства и частная собственность на средства производства вступают в антагонистическое противоречие. В будущем развитии человеческого общества капитализм сменится социализмом» (с. 279).

В 1869 году была основана социал-демократическая партия Германии, а в 1871 году Парижская коммуна стала первой попыткой свержения неимущими классами классов имущих. В. И. Ленин, подчеркивая китайские ученые, высоко оценил опыт Парижской коммуны, назвав ее «Великим примером». Вопреки Марксу, утверждавшему, что социализм – это судьба нескольких наиболее развитых стран, к которым основоположник марксизма не причислял государства отсталого Востока, Ленин заявил о возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране. Этой страной стала Россия, где в 1917 году возникло первое в мире социалистическое государство, и это на практике подтвердило ленинскую теорию.

Далее в статье подробно анализируются путь строительства социализма в СССР, огромные достижения и причины конечной неудачи столь грандиозного замысла. Во-первых, указывают Фу Дэ-кун и Мо Луньхай, ошибочным было слепое следование устаревшей и нуждающейся в корректировке марксистской теории советскими руководителями. Жесткая централизация и плановая система экономики в СССР не соответствовали требованиям активно развивающейся мировой экономической и политической системы. Со-

ветский Союз постоянно запаздывал с реформами, что привело к застою.

Во-вторых, М. С. Горбачев, вместо того чтобы укреплять коммунистическую партию, объективно сработал на ее разрушение. А ведь КПСС просуществовала в качестве руководящего органа страны 74 года. Еще в 1990 году она насчитывала 18 млн. 800 тыс. членов. Но партия стала «загнивать» из-за чрезмерного забюрокративания. Горбачевская политика «гласности» и «нового мышления» привела к усилению западного влияния и в конечном счете к отрицанию марксизма и норм социалистического сознания в самой КПСС. После провозглашения политического плюрализма единство партии разрушилось, в ней появились конкурирующие политические группировки. В 1990 году из Конституции была изъята статья о ведущей роли КПСС, и в 1991 году партия «самораспустилась», что привело к распаду и Советского Союза.

В-третьих, относительно молодое социалистическое общество, существовавшее считанные десятилетия, унаследовало многие социальные болезни капитализма, имевшего гораздо более длительную историю. Дореволюционная капиталистическая Россия была отсталым государством, и хотя коммунисты попытались резко реформировать всю социальную жизнь, полностью уничтожив частную собственность и построив «чистый социализм», все же колоссальные силы уходили на преодоление чудовищной отсталости. Советский народ жил в постоянной борьбе с трудностями, объявив при Н. С. Хрущеве близкий «переход к коммунизму», а при Л. И. Брежневем назвав свою жизнь «развитым социализмом», что никак не соответствовало реальности.

В-четвертых, советская модель социализма категорически отрицала рыночную экономику и признавала единственно правильной плановую систему общественного производства и соответствующих экономических отношений. Однако в длительной перспективе всеобъемлющая плановая модель не в состоянии быть эффективной и обречена на проигрыш в соревновании с капиталистической моделью Запада. В ходе такого соревнования на фоне буржуазного товарного изобилия померкли социальные преимущества социалистической системы, что и привело к утверждению капитализма в бывшем Советском Союзе. Тем не менее, подчеркивают авторы статьи, уникальный опыт построения социализма в СССР чрезвычайно важен для всего человечества.

Во второй части статьи рассматривается опыт развития социализма в новом Китае. Китайская компартия была основана как марксистская партия в 1921 году, а с 1949 года началось строительство нового социалистического Китая. Но слепое копирование советских достижений в китайских условиях было невозможно без учета местной специфики. Путь китайского социализма прокладывался в ходе национальной революции 1926–1927 годов, антияпонского сопротивления и освободительной гражданской войны. За эти годы КПК приобрела ценный опыт, который и лег в основание политического руководства новым Китаем. Авторы подробно анализируют этот 68-летний опыт, причем особое внимание уделяют успехам китайской модели социализма в последние десятилетия, приведшим к грандиозным свершениям в экономике и росту благосостояния граждан КНР.

Главный упор, считают авторы статьи, руководство КПК делает на учете всех факторов развития, сочетании плановой и рыночной экономики, что не предполагает резкого размежевания социализма и капитализма (с. 303). Это является новым словом в марксизме, которое внес в социалистическую теорию Дэн Сяопин. Уже в 1995 году КПК был взят курс на постепенный отход от традиционной модели плановой экономики, и началось движение к социалистической рыночной системе, рассчитанное на долгосрочную перспективу. В 1996 году были приняты решения по укреплению социалистического сознания и утвержден подробный план духовного развития китайского народа. Следуя этому курсу, КПК утвердила план совершенствования партии, причем была подчеркнута верность идеям марксизма-ленинизма, теории Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Уже первые шаги социалистической рыночной экономики привели к высочайшим темпам (2-е место в мире) экономического развития, что позволило стране добиться несомненных успехов в повышении уровня жизни населения, культуре, образовании, здравоохранении, охране окружающей среды и т. д. Усилилось присутствие Китая на международной арене. В заключение Фу Дэжун и Мо Лунхай еще раз подчеркивают огромную историческую ценность того опыта построения социализма, который дали человечеству Парижская коммуна, СССР и новый Китай.

В отличие от своих ученых соотечественников, автор следующей статьи «Китай как латентная сверхдержава и два его столетия», профессор Университета Тохоку, политолог Ван Юань, рассматривает историю человечества как волнообразное движение

укрупнения либо разукрупнения государств, безотносительно формационного и географического факторов развития. Вместо них Ван вводит фактор мясоедения как один из решающих в агрессивных завоевательных войнах.

Сквозь универсальную призму Большой истории он рассматривает различные периоды становления человеческой цивилизации. Согласно Вану, первые шаги в культурном развитии люди сделали после завершения эпохи последнего оледенения (15 тыс. – 8 тыс. лет назад). Глобальное потепление примерно 5-тысячелетней давности привело к формированию первых квазигосударственных сообществ, оказавших разрушительное влияние на окружающую среду. В частности, результатом вырубки лесов стало наступление пустынь, вину за которое китайский ученый целиком возлагает на человека. Позже, в период великих империй – Римской, Южно-Азиатской, Центрально-Азиатской и Китайской – происходило их постоянное расширение, шел захват все новых и новых владений. При этом уровень общественного производства был низок, средства коммуникации почти отсутствовали. Время практически стояло на месте, что прекрасно иллюстрируется историей Китая от эпохи правления династии Шан (1600 год до н. э.) до эпохи династии Цинь (207 год до н. э.), столетиями воспроизводящей неизменные, застывшие формы социальной жизни. Более динамичным развитием, считает Ван Юань, отличалась монгольская империя, сложившаяся в XIII веке в результате завоеваний Чингисхана и его преемников и включавшая в себя самую большую в мировой истории смежную территорию – от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии. Однако слишком большая разнородность захваченных монголами земель привела в итоге к распаду этой империи...

Впрочем, на смену эпохе великих империй пришла эпоха великих государств. Этому способствовало появление научных технологий в Западной Европе, развитие мореплавания и искусства навигации. На авансцене истории оказались сразу несколько однотипных сравнительно небольших стран, таких как Голландия, Португалия, Испания и др. Население всех этих стран, подчеркивает Ван Юань, питалось мясом, поэтому постоянно росло их агрессивное противостояние. Дело кончилось тем, что 150 лет назад агрессивность распространилась на весь земной шар, и человечество вошло в период «волчьих законов». Но этот же период охарактеризовался тремя особенностями: развитием научных знаний, развити-

ем политехнологий и началом формирования систем мировых коммуникаций. Тогда же были развязаны многочисленные войны, произошел ряд революций, разгорелись конфликты между колониями и метрополиями. Великие державы вооружились до зубов и стремились к дальнейшим завоеваниям. Намного превосходящие их по территории и по количеству населения Китай и Индия, чьи обитатели, будучи вегетарианцами, не могли противостоять «мясоедам», проигрывали мировые гонки. Впоследствии, когда мясо вошло во всеобщий рацион, подобная ситуация изменилась.

Изобретенное в середине XX века ядерное оружие стало фактором недопущения глобальных войн. Горячая фаза вооруженного противостояния сменилась информационной холодной войной. Тем не менее на планете уже более 70 лет не было мировой войны. Что касается восточноазиатских стран, то они за последний век совершили несколько попыток догнать великие западные державы. Первая волна была в 1870–1890-х годах и характеризовалась модернизацией Китая и Японии, из которой Япония вышла победителем. Вторая волна 1910–1930-х годов была прервана войной. Третья попытка 1950–1970-х годов имела успех и получила название «прорыва четырех азиатских тигров (или драконов)». Четвертая, начавшаяся в 1980-е годы и продолжающаяся по сей день, отмечена возвращением инициативы мирового развития в Китай, где стали популярными лозунги возрождения Китая и китайской культуры. Ван Юань напоминает о напечатанной 30 ноября 2001 года статье Дж. О'Нила, в которой впервые для обозначения финансово влиятельных в ближайшем будущем держав была употреблена аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). В 2011 году к БРИКу присоединилась ЮАР, отныне «понятие БРИКС превратилось из финансового в политологическое» (с. 319).

Завершает статью китайского ученого оптимистический прогноз относительно будущего глобальной цивилизации, которой удастся в итоге решить различные межгосударственные и экологические проблемы. «Думаю, не ошибусь, – пишет Ван Юань, – если скажу, что отличительными чертами нового мира будут мир и развитие» (с. 327).

С космологической и мегаисторической точки зрения написана и статья японского историка из токийского университета Обирин дайгаку профессора Катаямы Хирофуми «Фридрих Энгельс как теоретик Большой истории». Катаяма анализирует основополагающий труд Ф. Энгельса «Диалектика природы», который соратник

Маркса писал в течение 10 лет, с 1873 года до смерти своего друга в 1883 году. Интерес к этой книге может показаться неуместным, пишет Катаяма, поскольку наука со времен Энгельса ушла далеко вперед. Классику марксизма были неведомы ни теория относительности, ни квантовая механика, ни открытие структуры ДНК и теории Большого взрыва. «Действительно, если рассматривать это произведение Энгельса с точки зрения чисто естественно-научного содержания, мы не увидим там ничего нового. Но если оценить его с методологической позиции, то ситуация поменяется. “Диалектика природы” не только служит проводником космологического мировоззрения, основанного на теории Большой истории, но, думаю, она в чем-то даже превосходит современные мегаисторические взгляды» (с. 329).

Таким образом, Катаяма считает Энгельса предтечей создателей Большой истории. В ее фундаменте лежит *теория большой сложности* окружающего мира; она включает историю космоса и оперирует данными различных областей знания. К примеру, в текстах теоретиков Большой истории Д. Кристиана и его коллег в 2003 году были сформулированы следующие вехи мегаисторического развития: 1) Большой взрыв; 2) формирование звезд; 3) образование тяжелых элементов; 4) образование Солнечной системы и Земли; 5) возникновение жизни; 6) появление *Homo sapiens* и начало антропоцена. В рамках теории антропоцена выработано понятие «порога» (*threshold*), преддверия, отправного пункта, некоего начала, внезапно возникшего в космосе. Согласно высказанному в 2015 году мнению голландского ученого Ф. Спира, структура Большой истории включает материю, жизнь и культуру. Это три динамические ступени мироздания, для понимания которого необходимы следующие знания: теории общих систем; кибернетики; теории самоорганизации; теории безвозвратно утраченных систем; синергетики и аутопоэзиса. Именно эти новые научные дисциплины равно присущи как области естествознания, так и области социальных наук.

Диалектический и исторический материализм основоположников марксизма стали попыткой создания единой передовой теоретической системы для описания сложного многообразия окружающей действительности, что продемонстрировал Энгельс в «Диалектике природы». У диалектического материализма и теории Большой истории много общего, в частности тезис о едином законе, приемлемом для всего материального мира как сложного синтеза

разнородных явлений. В этом смысле «теорию Большой истории можно назвать учением о сложности материализма» (с. 330), – замечает Катаяма. По его мнению, интерпретация человеческой цивилизации с точки зрения Большой истории объединяет идеологию передовых ученых современности с учением классиков марксизма.

Завершают сборник две работы, несколько выбивающиеся из его общей направленности, проникнутой пафосом Большой истории. Это статья «Средняя Азия и Япония» профессора Университета г. Йокогама Кимуры Хидэсукэ и статья Иваки Хидэки из Университета Сока «Ближневосточный ислам: 100-летняя ретроспекция и перспектива».

Статья Кимуры посвящена советскому периоду жизни Узбекистана и других бывших советских республик по сравнению с их сегодняшней действительностью. Отметив ностальгию современных узбеков по стабильности и предсказуемости социальной действительности в СССР, японский ученый касается истории среднеазиатских народов, переживших несколько общественных и мировоззренческих катаклизмов в XIX–XX веках. Первые испытания были связаны с продвижением России в Центральную Азию в середине XIX века. Этот регион, занимавший ранее территорию Кокандского ханства, на 44 % обеспечивал снабжение страны хлопком, для транспортировки которого в 1898 году до Каспия была протянута железнодорожная ветка, чтобы по Волге доставлять «белое золото» в европейскую часть российского государства. После Октябрьской революции традиционный уклад жизни среднеазиатского населения, перешедшего из феодализма в социализм, претерпел резкие изменения. За годы советской власти Узбекистан и другие республики Центральной Азии превратились в мощные промышленно-сельскохозяйственные государственные образования с высокими научными и культурными достижениями. Однако нельзя сказать, что в СССР жизнь этих республик была беспроblemной. Вспомним жертв насильственного переселения народов при И. В. Сталине, небезопасные испытания ядерного оружия на казахстанских полигонах, экологическую катастрофу, связанную с увеличением стока вод Амударьи и Сырдарьи, приведшим к осушению Аральского моря. С последствиями этого до сих пор приходится сталкиваться местному населению. Тем не менее профессор Кимура выражает уверенность, что, несмотря на нынешние экономические трудности, с грядущим подъемом Евразии, со строитель-

ством новых коммуникаций и путепроводов улучшится ситуация и в бывших республиках СССР (с. 365).

Статья Иваки Хидэки помогает понять социальные факторы и основания боевых столкновений, не прекращающихся в последние годы и принесших чудовищные бедствия Ближнему Востоку. Причину кровопролитных войн японский ученый видит в многоконфессиональности проживающих на этой территории этносов, а также в последствиях произвольно проведенных западными странами границ ближневосточных государств после Второй мировой войны. По мнению Иваки, можно констатировать, что в исламских регионах Ближнего Востока в настоящее время «рухнул старый международный порядок и возникла необходимость создания новых правил сосуществования» (с. 385). Иваки предлагает решить проблемы ближневосточного терроризма путем организации встречи президента Сирии Б. Асада с исламскими лидерами и созыва специальной мирной конференции, инициатором которой должна выступить Япония. Японское государство, буквально воспрянувшее из пепла после поражения во Второй мировой войне и прошедшее успешную модернизацию, занявшее одно из лидирующих мест в мировой экономике и в то же время не являющееся христианским, подобно другим развитым странам Запада, может, по мнению японского профессора, послужить образцом для стран исламской цивилизации.

Многие соображения и выводы, обозначенные в сборнике, представляются спорными и способны вызвать критику со стороны других специалистов. Но книга может служить образцом междисциплинарного и международного сотрудничества, направленного на оценку главных вызовов современности, и можно надеяться, что сам факт ее появления послужит новым импульсом к подготовке близких по задачам сборников и монографий в различных странах.